

Андрей Львович Ливадный

Запрещенный контакт

Аннотация

Прошлое древнейшей цивилизации нашей галактики хранит тайны, способные уничтожить все живое. Происходящие в системе Ожерелье загадочные события роковым образом могут отразиться не только на судьбе человечества, но и иных космических рас. Команда Дениела Райбека, крупнейшего космического археолога, рискуя собой, высаживается на изувеченную катаклизмами поверхность Первого Мира, чтобы попытаться спасти Будущее...

Пролог

В мерклом свете занимающейся зари, по старой заброшенной дороге бесшумно ступал Ашанг. Чахлая фиолетовая трава и багряный мох пробивались в трещинах черных, покрытых коническими выемками плит.

Дорога извивалась между скал. Часто на пути встречались разрушенные укрепления. Останки их защитников давно истлели, но даже безжалостное время не в силах стереть все свидетельства прошлого. Из стылого предрассветного тумана выдавливало утесы, испещренные оплавленными шрамами, изредка в поле зрения попадали обломки сбитых кораблей и корпуса выгоревших дотла аэрокосмических истребителей.

Чем выше, тем холоднее. Капельки влаги конденсировались на панцирных

пластинах природной брони Ашанга, и он быстро начинал терять силы. Промозглая сырость отнимала жизнь, вынуждала двигаться медленно.

Бездонное, беззвездное небо над головой. Полумесяцы трех планет, всю ночь освещавшие путь, под утро начали постепенно бледнеть.

Скоро рассвет. Обжигающие лучи брызнут из-за изломов могучего хребта, растопят туман, согреют кровь.

Предки Ашанга пришли в этот мир, чтобы завоевать его, бросить к ногам старшей космической расы, но в той битве не было победителей. Выжили немногие.

Он остановился, запрокинул голову, с тоской взглянул в небеса, словно надеялся увидеть яростный восход двух солнц, — образ, хранимый в генетической памяти поколений.

Двойная звезда Фокар-Сиан

затерялась в немыслимой дали, грезы о ней не согреют, не придадут сил холодными ночами. Он вообще не должен испытывать чувств. «Ашанг» на языке фокарсиан означает «воин». Особь, рожденная с единственной целью: выполнить поставленную задачу. Неважно, что в конце пути почти всегда ожидает смерть.

Поднялся ветер, порвал туманную муть, разметал ее тающими клочьями.

Впереди он увидел убеленные снегами горные пики да голые скалы. Растительность заметно оскудела, а вскоре она исчезнет вовсе.

Этот мир слишком холоден и суров, чтобы в нем могли выжить фокарсиане, но путь назад, к знакомым звездам, закрыт.

Ветер пронизывал, нес острые крупицы снега. Неожиданно началась метель. С востока надвигались плотные

облака.

Ашанг свернул с дороги, забился в расселину, впал в состояние кратковременной гибернации.

Его панцирь постепенно покрылся корочкой наледи. Обмен веществ замедлился. Разыгравшаяся непогода бушевала, выла, – так продолжалось двое суток.

Наконец, на третий день облачный фронт рассеялся, и долгожданные животворящие лучи коснулись промерзших скал.

Ашанг вяло пошевелился. Над краем неглубокой расселины показалась его голова. Удлиненный к затылку череп влажно поблескивал. Фасетчатые глаза смотрели на обновившийся мир без явного выражения эмоций. Движением трехпалой кисти руки он стряхнул подтаявшую корочку льда, выполз на дорогу. Черные плиты быстро

нагревались, долго удерживали тепло.

Гибернация губительна для рассудка фокарсианина. Экстремальный способ выживания непригоден для отдельной особи. На родной планете зима случалась один раз в столетие. Одолеть ее последствия помогал выработанный в ходе эволюции механизм генетической памяти, но он работал медленно. Зная эту особенность, понимая, что в горах, среди снега и льдов, Ашангу придется несладко, сородичи позаботились о примитивном, но действенном способе стимуляции нужных воспоминаний.

На сегментированных панцирных пластинах, защищающих грудь и живот Ашанга, они выцарапали карту и несколько образов, дающих мгновенные подсказки.

Он наконец согрелся.

До цели осталось совсем немного.

Судя по карте, вход во внутрискальный лабиринт расположен чуть выше. Нужно свернуть с дороги, пройти через ущелье, подняться по обледеневшим ступеням каменной лестницы, и тогда взгляду откроется продуваемое ветрами плато.

Ашанг почувствовал прилив сил. После гибернации все посторонние мысли исчезли. Осталась лишь цель, которой надо достичь сегодня до заката. Еще одной холодной ночи организм не выдержит.

* * *

На обширной площадке ранее возвышались массивные укрепления, но сейчас от них остались лишь руины.

Ашанг замер, заметив дым, уловив сложные запахи. Поблизости жили какие-то существа, они готовили пищу,

громко переговаривались между собой, издавая низкие рычащие звуки.

Вот двое из них вышли из сумрака старого укрепления, напрямик направились к лестнице, подле которой притаился фокарсианин.

Их вид внушал отвращение, породил глухую агрессию, присущую воину.

Настоящие великаны, — он изучал противника. Тела сплошь покрыты густой коричневатой шерстью. Ашанг взглянул на рисунок, процарапанный в качестве подсказки, заметил схематичное изображение схожих существ.

Стражи. Деградивовавшие потомки одного из элитных подразделений, в прошлом защищавшего этот мир.

Внезапная дрожь охватила Ашанга. Прочитанные символы всколыхнули дремлющую память. В недрах горы был

скрыт механизм, открывающий путь к родным звездам. На протяжении поколений фокарсиане безуспешно искали его. Они покупали информацию, убивали из-за нее, подвергали пленных существ пыткам, по крохам собирая нужные сведения.

После битвы планета погрузилась в сумерки невежества. Великие цивилизации исчезли, а их слуги деградировали. Общей участи избежали лишь фокарсиане. Благодаря наследственной памяти каждое в муках рожденное поколение обладало опытом своих предшественников.

А вот Стражи не избежали регресса. Когда-то именно они свели вничью исход проигранной битвы, закрыв гиперпространственный тоннель, отрезав атакующих от возможности получать все новые и новые подкрепления. Поселившись тут, среди

снегов и льдов, они пытались сохранить свое былое предназначение, охраняя уникальную установку, но истина постепенно тонула во тьме веков, знания замещались легендами, а величайшие технологические секреты обрели вид наскальных рисунков, — примитивных и доступных для понимания.

Ашанг привстал из-за укрытия. Пластины брони в районе его груди слегка разошлись, открывая две узкие прорези. В них пульсировала напряженная плоть, виднелись жала тонких игл, смоченных смертоносным токсином.

Оба Стража услышали сильный звук выдоха, но даже не успели понять, откуда он исходит. Мгновенный паралич не оставил им шанса оказать сопротивление, но на этом удача отвернулась от Ашанга.

Его заметили, поднялась суматоха, раздались выкрики, призывающие к оружию.

Руины древнего укрепления служили домом для полусотни Стражей и их семей.

Неважно, сколько их! На протяжении долгого и трудного пути Ашанг берег силы, избегал ненужных схваток, стойчески переносил лишения. Ради этих нескольких минут каждый фокарсианин отдал ему большую часть накопленных в течение жизни метаболитов. Запас жизненно важных веществ до последнего момента хранился в отдельном, изолированном сегменте брюшной полости, и вот сейчас пошел в ход, ускоряя обмен веществ, даруя избыток энергии.

Едва уловимая взгляду тень метнулась по заиндевелым скалам. Ашанг двигался легко и стремительно,

как подобает воину его расы. Используя малейшие неровности, он бежал по отвесным стенам, перепрыгивал через расселины, уклонялся от выстрелов и убивал в ответ, действуя инстинктивно, беспощадно, не считаясь ни с чем, ибо сейчас от каждого его вдоха зависела судьба многих.

Рассудочность мышления на время отступила. Он двигался по концентрической окружности, убивая каждого, кто попадал в поле зрения. Со скал Ашанг перепрыгнул в руины, сея ужас в тесных коридорах и небольших помещениях, приспособленных под жилье.

Он уже истекал кровью, но не обращал внимания на полученные раны, пока не пал последний из Стражей.

* * *

Длинный изгибающийся плавной нисходящей спиралью коридор вел в недра скального массива.

Ашанг перешел с бега на шаг.

Стены испускали ровный холодный свет.

За ним тянулась неровная дорожка продолговатых кровавых капель, слегка вытянутых в направлении движения.

Мелкие незначительные травмы его не тревожили. Намного хуже дело обстояло с двумя тяжелыми ранениями. Ашанг заметно прихрамывал. В теснине помещений он не сумел уклониться от всех направленных в него выстрелов. Один повредил ногу, второй пробил грудь, и теперь при каждом вдохе раздавалось сипение, пузырилась кровь.

Если остановиться, отлежаться, то

процессы регенерации тканей пойдут быстрее, но эхо доносило до слуха отдаленные звуки шагов. Погоня? Он знал, что поблизости располагались и другие поселки Стражей. Там наверняка поднялась тревога.

Главное сейчас – не потерять сознание.

Он остановился, тяжело осел на пол. Некоторое время Ашанг прислушивался к отдаленным звукам. «Похоже, я ошибся, – подумал он. – Эхо шагов идет из глубин подземелий. Ну да, ведь по информации, полученной им, стражи превратили сложнейшее устройство в предмет культа. В глубинах горы расположено их святилище, и оно не пусто».

Короткий отдых позволил ему остановить кровь. Рана в груди смертельна, но он и не рассчитывал на возвращение.

Встав, Ашанг упрямо направился в глубь древних коммуникаций. Теперь он не боялся заблудиться. Эхо отдаленных шагов служило ему надежным ориентиром, а вскоре врожденная способность к тепловидению позволила различить смутные расплывчатые очертания машины, способной манипулировать пространством и временем.

* * *

Свет чадящих факелов выхватывал из тьмы наскальные рисунки.

Трое жрецов, монотонно подвывая, замерли в позах раболепия, еще один расхаживал между причудливыми пространственными узорами, сотканными из теплых на ощупь кристаллических нитей. Это его шаги отдавались эхом. Фокарсианин убил их

без сомнений и жалости. Глупцы.

«Все, что мне нужно знать, скажут стены», – думал он, начиная обход внушительного по размерам подземного зала.

Ашанг прекрасно знал, изначально здесь не было никаких наскальных рисунков, а правильные последовательности расположения кристаллических нитей хранились хозяевами этого мира в строжайшем секрете. И лишь оказавшись на краю гибели, они открыли его доверенным существам, своим ближайшим помощникам, чтобы те остановили вторжение.

Он не мог понять, почему древние могучие существа не проделали необходимые манипуляции собственноручно?

Но факт остается фактом. Стражи (другого имени для этих существ

фокарсиане не знали) были последними, кто управлял машиной.

Он выдернул из крепления факел, осветил стену.

Линии, высеченные в камне, складывались в сложные узоры. Их нанесли Стражи, когда процесс утраты знаний стал необратим, в надежде передать следующим поколениям тайну своего народа. Но все напрасно. Их потомки выродились, — об этом свидетельствовали глупые примитивные рисунки, сделанные позже, частично перекрывающие узор зашифрованных в линиях командных последовательностей.

Ашанг медленно шел вдоль стен.

На что он рассчитывал? Как существо непосвященное, способно разгадать тайну древних технологий, сделать правильные выводы на основе рисунков и в итоге запустить процессы,

смысла которых не понимал никто из ныне живущих?

Ответ прост. Ашангу не требовалось вникать, постигать смысл или изучать техническое наследие исчезнувшей цивилизации. В этом зале располагался лишь простейший элемент управления, все остальные части уникального устройства были скрыты в ином пространственно-временном измерении и работали в автоматическом режиме.

У машины были четыре известные функции. Информацию о них удалось извлечь из легенд Стражей, пленив и допросив одного из жрецов.

Фокарсиане сумели правильно истолковать мифологию, отделить зерна истины от плевел вымыслов. Когда схема управления стала ясна, они создали Ашанга, вложив в боевую особь знания, необходимые для выполнения задачи.

Это был их последний, единственный шанс вырваться с проклятой планеты, вновь увидеть родные звезды.

Используя врожденную способность к тепловидению, Ашанг освещал стены, а затем отводил факел в сторону, вглядываясь в тепловой отпечаток. Первые, истинные линии были вырезаны при помощи энергетического инструмента. Края борозд отливали гляncем, отражали часть тепловой энергии, а грубые рисунки, вышедшие из-под зубила каменотесов, наоборот, нагревались.

Он несколько раз обошел зал по всему периметру, пока в сознании не сложился четкий рисунок командных последовательностей. Вопреки ожиданиям, их оказалось семь, и это поставило фокарсианина перед сложным выбором.

Ашанг обернулся, внимательно

изучил строение компонентов, парящих в центре зала, и понял: они образуют три из семи последовательностей, отображенных на стенах.

Он не мог вернуться назад и спросить совета. Действовать нужно по плану, несмотря ни на что!

Кристаллические нити поддались легко. Ашанг разорвал одну из них, следуя рисунку, свернул в нужный узор, отпустил, и понял — это сработало! Устройство управления приняло новую конфигурацию, между его элементами проскочили ослепительные разряды энергии.

Он выполнил свое предназначение. Далеко от этих мест, среди пыльной равнины сейчас должно зародиться озеро тьмы. Через него фокарсиане на последнем, тщательно отремонтированном корабле покинут проклятый мир.

Внезапно «лишняя» часть разорванной Ашангом кристаллической цепочки пришла в движение, самостоятельно поднялась в воздух.

Кристаллов оказалось недостаточно для восстановления прежней, исходной конфигурации. Тогда они разделились, образуя два коротких узора. Первый был похож на плеть, — он остался висеть низко над полом, а второй внезапно поднялся под свод зала и там замер, приняв форму дуги, с пятнадцатью утолщениями, расположенными через равные промежутки.

Первый «узелок» на дугообразной системе отсчета осветился, но сполохи не торопились перебраться на второй элемент.

Ашанг внимательно проследил за происходящим и решил задержаться. Существовала доля вероятности, что

образование новых компонентов повлияет на ход событий.

Он скопировал их изображения, затем развернулся и зашагал прочь.

* * *

Ничего не случилось. Фокарсиане ждали, но все их надежды оказались тщетны.

Проклятый мир не отпустил никого.

...

Прошло много лет. Стерлась память о горстке фокарсиан, сменились поколения, вымерли последние Стражи.

О таинственной пещере забыли, вход во внутрискальный лабиринт частично поглотил обвал, но это не отменило таинственных процессов.

Настал день и час, когда сполохи энергии на дугообразном компоненте

переместились ко второму узелку, отмечая приближение некоего запрограммированного Ашангом события.

Глава 1

3895 год Галактического календаря.

Система Ожерелье. Борт станции военно-космических сил Конфедерации Солнц

В каюте Райбека Дениэла царил живописный рабочий беспорядок. В небольшом пространстве, объединяющем личный кабинет и жилое помещение, давно никто не прибирался, здесь вещицы с борта древних колониальных транспортов эпохи Великого Исхода соседствовали с современными инфомодулями, в воздухе парили сборки логрианских кристаллов, под ноги попадались

загадочного вида устройства, статичные, нефункциональные, относящиеся к еще не изученным технологиям иных цивилизаций.

Среди прочего выделялся полукруглый стол, весь покрытый потеками черного полимера, – его изготовили рабочие особи инсектов. На бугристой поверхности стояла пустая чашка, рядом лежала пара древних кибстеков, подключенных к модулю диагностики, и застыл игрушечный сервоприводный ослик с комичной ободряющей улыбкой на жизнерадостной физиономии.

Обзорный иллюминатор был плотно закрыт экранирующими бронежалюзи, иначе вся электроника отказала бы вмиг.

Жить и работать в системе Ожерелье сложно, быт тут труден, аскетичен, но попасть сюда – предел мечтаний и

вершина карьеры для любого ксеноархеолога.

Сегодня Райбек Дениэл вообще не ложился.

В объеме отдельного монитора медленно вращалась реконструкция корпуса аэрокосмического истребителя, воссозданная по фрагментам обшивки, найденным на поверхности Первого Мира. Дополнительные инфомодули отображали процесс автоматического поиска, – в их объеме с неуловимой для человеческого взгляда скоростью мелькали трехмерные изображения различных находок, сделанных не только в системе Ожерелье, но и на просторах освоенного людьми космоса. Выделенный канал гиперсферной частоты связывал личное цифровое пространство Райбека Дениэла с глобальными базами данных Элианского института истории и

археологии космоса, – инициированное им исследование велось в масштабах Обитаемой Галактики.

То и дело раздавался тихий сигнал, и тогда подходящий под заданные критерии артефакт, занимал место в конце длинной очереди миниатюр.

Движением зрачков Райбек захватывал и перемещал голограммы, сравнивал их с реконструкцией, пока его расширитель сознания обрабатывал сопроводительные данные.

Не то... Не то... Не то... – Он беззвучно шевелил губами.

– К вам посетитель! – доложил голос.

– Входите, открыто! – не отрываясь от дела, Райбек Дениэл даже не взглянул в сторону двери. Сейчас его вниманием полностью владел обломок носовой части инопланетного корабля, найденный на седьмой планете Ожерелья, после подъема трех

колониальных транспортов эпохи Великого Исхода, сорвавшихся на Вертикали гиперсферы.

Опять не то!..

Тихо прошипела пневматика. Сборки логрианских кристаллов, без видимой опоры парящие в воздухе, изогнулись, меняя конфигурацию, потянулись ко входу, сканируя посетителя.

– Одну минуту! – Райбек делал пометки. Игрушечный ослик взвизгнул сервомоторами, повернул мордашку, произнес:

– Адмирал? Какая приятная неожиданность! Если вы уберете норлианский скафандр – кресло в вашем распоряжении.

– Привет, Позитив, – все на станции прекрасно знали игрушечного ослика, оснащенного системой искусственного интеллекта, как, впрочем, и историю с

ним связанную¹. Адмирал Кречетов без видимого усилия приподнял норлианский скафандр, осмотрелся, куда бы поставить громоздкую экипировку, нашел свободное место у стены.

– Нет, нет! Не туда! – встрепенулся Дениэл, несколько не смущаясь вопросами субординации. – Андрей Сергеевич, если не сложно, отнеси его ко встроенному шкафу! Да, вот так, хорошо! Надо бы убрать лишнее, – археолог окинул взглядом захламленную каюту, сделал пометку: вызвать команду инвентаризации, и тут же успешно забыл об отданном через сеть поручении.

Адмирал Кречетов уселся в освободившееся кресло. Он был сухопар, подтянут, сед. Обветренное лицо, натруженные руки,

¹ Подробнее в романе «Диспейсер».

имплантированные адаптеры для подключения логр-компонентов — все в его облике говорило: этот человек не чурается рискованной полевой работы, невзирая на высокую должность и связанные с ней привилегии.

Райбек Дениэл выглядел полной противоположностью адмиралу. Известнейший археолог современности обладал вполне заурядной внешностью. Лет под пятьдесят, невысокий, полноватый, взлохмаченный и бледный, с глубоко запавшими глазами, что придавало его облику отпечаток крайней усталости, нервозности и неуравновешенности.

«Совсем не таким он прибыл на станцию год назад», — невольно подметил Кречетов. Поначалу они часто встречались по вопросам организации экспедиций, иногда резко спорили, расходясь во мнениях, но за

последний месяц произошло нечто странное. Райбек заперся в своей каюте, не появлялся на людях, и лишь сетевая активность выдавала напряженный темп его работы.

Готовит очередное сенсационное открытие?

Дениэл тем временем завершил делать пометки, жестом свернул все голограммы, взял чашку, но та оказалась пуста.

Адмирал Кречетов щелкнул ослика по носу:

– Позитив, сгоняй-ка за кофе, – дружески попросил он.

Ослик вздохнул, но поплелся выполнять поручение. Навострив уши, чтобы не пропустить ни слова из назревающего разговора, он отправился в путешествие к краю бутристой столешницы, что было нелегко, ведь повсюду, создавая препятствия,

громоздились археологические находки.

Райбек Дениэл поставил пустую чашку, сцепил пальцы рук в замок. Он выглядел крайне измотанным.

– Чем обязан визиту, Андрей Сергеевич? – хриповато спросил он.

– Накануне вечером ты запросил транспорт для внеплановой высадки. Хочу узнать, с чего вдруг такая срочность?

Дениэл откинулся на спинку кресла, неосознанно теребя браслет кибстека.

– Нужно проверить одно предположение, – он попытался уйти от прямого ответа.

– А конкретнее? – Кречетов находил все больше странностей в поведении археолога. Как правило, в заявке четко указывается цель полевого выхода и координаты высадки, но на этот раз Райбек оставил обязательные для

заполнения графы пустыми. Обычная рассеянность? Нет, не похоже. Он явно встревожен, измучен, как будто что-то гложет его изнутри. — Слухи по станции поползли, — продолжил адмирал в дружеском, полушутливом тоне. — Говорят, ты разгадал тайну Смещения и собираешься втихаря подвергнуть нас смертельному риску?

Дениэл отреагировал нервно:

— Слухи?! Андрей Сергеевич, а кто, позволь спросить, их распространяет?!

— Неважно, — усмехнулся Кречетов и тут же пригрозил: — Давай-ка, выкладывай все начистоту, иначе со станции и шагу не сделаешь.

— Это еще почему? — насупился археолог. — У меня открытый лист, на любые, подчеркиваю — *любые, археологические изыскания!* Документ подписан в Совете Безопасности Миров! Темы исследований и места

раскопок мне позволено определять самому!

– Не знаю и знать не хочу, за какие рычаги ты дергал, чтобы добиться столь размытых формулировок, но имей в виду: авантюра я не допущу! Сам должен понимать, в Первом Мире любая неосторожность, – это гарантированные проблемы!

Дениэл обиделся:

– Андрей Сергеевич, совершать открытия, – моя работа, призвание, смысл жизни, наконец! – запальчиво воскликнул он. – Разве ты не рисковал, когда обнаружил систему Ожерелье?! Первый в истории прыжок с использованием вертикали, – разве это не авантюризм в чистом виде?

– Да, я рисковал, – на лицо Кречетова набежала тень неизгладимых воспоминаний. – Но давай сразу расставим акценты, – сухо добавил

он. – Ты делаешь карьеру, стремишься во что бы то ни стало совершить очередное сенсационное открытие. А я отвечаю за безопасность Первого Мира, системы Ожерелье и всей Обитаемой Галактики. У нас разные приоритеты, заметил? Укажи мне точку их соприкосновения, убедил, что твоя затея полезна и не приведет к фатальным последствиям!

– Ну, да, да, – сокрушенно покачал головой Дениэл. – Постоянно сталкиваюсь с таким вот отношением! Это несправедливо! Я нашел Логран в Рукаве Пустоты! Я...

– Не уходи от ответа, Райбек, давай говорить по существу, – прервал его Кречетов. – О твоих заслугах знаю, можешь не перечислять весь список. Просто ответь на вопрос: что, фрайг побери, происходит?! Тебя словно подменили! Ты уже месяц не

вылезает из сети, все плановые исследования пустил побоку, а тут вдруг запрашивает срочную высадку, без указания цели и маршрута!

– Бывает. Забыл. – Дениэл заерзал в кресле. – Сейчас все исправлю, – он открыл электронную форму документа, быстро добавил данные. – Так устроит?

– Нет, – Кречетов даже не взглянул на координаты высадки, понимая, что Райбек поставил их наобум, лишь бы закрыть тему. – Если ты действительно что-то узнал о Смещении, то действовать спонтанно, без предварительного анализа вероятных последствий, без консультаций с логрианами, неразумно! – адмирал надавил и, как видно, попал в точку.

– Сколько можно оглядываться на логриан?! – раздраженно спросил Дениэл. – Их время прошло! Осталось лишь технологическое наследие,

которым мы постепенно овладеваем! Сколько они скрыли от нас?! Сколько еще скрывают? Ну посуди сам: когда Шейла Норман воссоздала Логрис, древние личности даже словом не обмолвились о существовании системы Ожерелье! – в интонациях Дениэла сквозила отчетливая неприязнь. – Они быстро сориентировались, сообразили, что в ту пору мы еще не умели использовать Вертикали в качестве безопасных гипертоннелей и решили промолчать!

Кречетов нахмурился, а Дениэл продолжал, все больше распаляясь:

– Мы разбили харамминов, уничтожили Квоту Бессмертных, освободили логриан от рабства, а их древним сущностям вернули единое информационное пространство Логриса! Чем же отплатили они?! – Райбека понесло. Он даже привстал,

пылая возмущением. — Скажешь: поделились технологией логров? Но бессмертие-то на поверку оказалось липовым! Они постоянно ведут свою игру, и лишь сделанные нами открытия развязывают их лживые языки, заставляют делиться информацией! Ответь, сколько кораблей сорвалось на вертикали, сколько человеческих душ сгорело в аду Логриса, прежде чем мы изучили дарованные ими технологии, нашли в них изъяны, сделали собственные открытия, которыми попросту приперли логриан к стене, заставляя разговаривать с нами на равных?!

— Ну, и где ты заразился ксенофобией? — выслушав гневный монолог Дениэла, спросил адмирал Кречетов. Справедливости слов археолога он не отрицал. Логриане действительно многое утаивали, но

именно в этом и заключался их способ выживания. Древняя цивилизация всеми силами избегала вооруженных конфликтов, предпочитая технологическое господство, что, впрочем, не уберегло их в случае с харамминами.

Райбек резким движением переместил один из голографических инфомодулей, поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. Мысленная команда сформировала над бугристой столешницей панораму системы Ожерелье.

В центре объемного изображения пылал ослепительный сгусток энергии, по форме напоминающий миниатюрную копию галактического диска. Вокруг него по единой орбите обращались девять планет. Восемь из них опаленные, лишённые атмосфер, выглядели мрачно, и лишь Первый Мир

сиял синевой, словно драгоценный камень в оправе из потемневшей меди.

Вне границ искусственно созданной системы царил абсолютный мрак. Здесь никогда не существовало материальных объектов, пока три миллиона лет назад логриане и инсекты не замыслили одиозный проект: совместными усилиями двух цивилизаций в недра гиперсферы были отправлены девять миров. На их основе планировалось создать глобальный транспортный узел, открыть возможность мгновенного доступа к любой из миллиардов звездных систем Галактики.

Реализации их замысла помешала миграция предтеч – загадочной формы космической протожизни. Плазмоиды, питающиеся материей, сметали все на своем пути – они уничтожали целые планетные системы. Под ударом не обладающих разумом орд пала Сфера –

титаническое инженерное сооружение, построенное Единой Семей инсектов вокруг родной звезды, погибла цивилизация дельфинов — удивительных существ, обитавших в водной среде. Общей участи не избежали и логриане. Они так же, как жалкие остатки Единой Семьи, были вынуждены бежать в границы шарового скопления О'Хара, где к тому времени правила цивилизация харамминов.

Логриане передали хозяевам скопления технологию «Вуали». Устройства, искривляющие метрику пространства, скрыли звездное сообщество, благодаря чему миграция предтеч прошла стороной, оставив после себя печально известный Рукав Пустоты — пространство без звезд, где до сих пор блуждают обломки планет, хранящие следы исчезнувших цивилизаций.

Человечество, пребывавшее в ту далекую пору на уровне каменного века, прошло свой нелегкий путь к звездам, — от первых спутников планеты Земля до изобретения мобильного гиперпривода.

В эпоху Великого Исхода десятки тысяч колониальных транспортов покинули Солнечную систему. Судьба большинства из них неизвестна до сих пор. Многие корабли неуправляемо срывались на вертикали гиперсферы — их обломки покоятся сейчас на поверхности безвоздушных планет системы Ожерелье.

Две галактические войны, сотни освоенных звездных систем, три волны Экспансии, — прошло полтора тысячелетия космической эры, прежде чем люди достигли границ Рукава Пустоты, обнаружили полуразрушенную Сферу и шагнули

далее: прорвали вуаль логрианских устройств, открыв шаровое скопление О'Хара, где правили голубокожие гуманоиды из Квоты Бессмертных и влачили жалкое существование их рабы — далекие потомки великих цивилизаций логриан и инсектов.

Потрясения, открытия, войны, — события вдруг последовали одно за другим, тесно вплетая историю древнейших цивилизаций в нить судьбы человечества.

* * *

Райбек Дениэл был одним из немногих, кто подверг критике, а затем развенчал большинство мифов и заблуждений, скрывавших истинные факты истории развития цивилизаций древнего космоса.

Ему принадлежало авторство

скандальных работ, вызвавших кризис в отношениях между цивилизациями. Исследования Дениэла представили логриан в невыгодном для них свете. Он стер образ миролюбивых, несчастных существ, показав их коварными и расчетливыми. В своих исследованиях он поставил ряд острых вопросов, многие из которых до сих пор остаются без ответа.

Сидящий напротив него адмирал Кречетов прекрасно знал, каково это — идти против системы, ломать устоявшиеся, удобные взгляды. Он открыл систему Ожерелье, осуществил первый управляемый прыжок с использованием вертикали, несколько лет командовал гарнизоном Первого Мира, а затем возглавил отдельный Флот Конфедерации, контролирующей пространство десятого энергоуровня гиперсферы.

Он помнил Райбека Дениэла молодым практикантом, а сейчас они выглядели ровесниками – таков парадокс системы Ожерелье. Время в глубинах гиперсферы течет иначе. Год в Первом Мире – это девять с половиной лет Обитаемой Галактики.

Глазом не успеешь моргнуть, а друзья постарели, да и события, происходящие в трехмерном космосе, сыплются, будто из рога изобилия.

– Давай все же поговорим спокойно, без фобий, – примирительно произнес адмирал. – Хочу понять, есть ли смысл плодить проблемы. Их и без того хватает с избытком. Расскажи, что тебя гложет? Зачем понадобилась срочная высадка в Первый Мир?

Райбек угрюмо молчал, хотя, зная адмирала, уже понял – от разговора не уйти. На миг во взгляде археолога промелькнул страх.

Взяв себя в руки, он коснулся голограммы. Девять планет системы Ожерелье вдруг синхронно изменили наклон оси, по их поверхности пробежали волны гравитационного удара.

Взгляд Кречетова стал холодным, колючим.

Процесс подвижки планет, смоделированный Райбеком, назывался «Смещением» и происходил каждые двенадцать лет по локальному времени системы Ожерелье, причиняя множество разрушений и бед.

Его регламент был установлен логрианами и нес известный практический смысл. Ровно на неделю пояса порталов — стационарных устройств, способных сформировать устойчивый гипертоннель, совмещались с определенными вертикалями гиперсферы. В период

Смещения открывалась возможность моментального доступа к сотням тысяч звездных систем, причем связь устанавливалась двусторонняя.

Ровно через неделю процесс обращался вспять. Миры Ожерелья синхронно восстанавливали прежний наклон оси, порталы деактивировались — разрывалась связь между энергетическими потоками вертикалей и устройствами формирования пробоя метрики.

Поворот планет происходил под воздействием гравитационных генераторов, расположенных вне доступного людям пространства, — это все, что удалось узнать.

Адмирал ждал комментариев, но Дениэл все еще собирался с мыслями. На лице археолога отражалась непонятная внутренняя борьба: сомнения искажали его черты, и

Кречетов отвел взгляд, предоставляя Райбеку еще немного времени.

Каждое Смещение сравнимо с неотвратимой запланированной катастрофой. Разрушения от множества локальных землетрясений, уничтоженные коммуникации, гон — панический бег обезумевших животных, — все это блекло перед главной проблемой: в период работы порталов через них на просторы Первого Мира могли беспрепятственно проникнуть представители иных, неизвестных людям рас.

Эту опасность сложно приуменьшить. Три миллиона лет назад логриане проложили множество гиперсферных маршрутов. Они исследовали далекие звездные системы, оставляя доступ лишь к тем мирам, где встречали примитивные формы жизни, но с тех пор прошли эпохи, развились

НОВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

«За примерами не надо далеко ходить, – размышлял Кречетов. – Три миллиона лет назад люди пребывали во тьме каменного века, и вот мы тут, на борту гиперсферных станций, в окружении эскадр боевых кораблей, – решительные, экспансивные, готовые осваивать новые пространства и защищать уже принадлежащий нам уголок обжитого космоса».

Думая так, он ни на миг не забывал, что на планетах, которые логриане посещали в далеком прошлом, также шла эволюция, развивались и прогрессировали различные формы жизни.

Пестрый конгломерат существ, населяющих Первый Мир, – это следствие бесчисленных Смещений и прямое доказательство мрачных предчувствий. Двусторонние

гипертоннели потенциально опасны. «Нас горстка, – продолжал размышлять он, – и мы бессильны предугадать, кто и с какими намерениями шагнет в Первый Мир при следующей активации глобальной транспортной системы».

На сегодняшний день существовало лишь одно обстоятельство, внушающее адмиралу долю осторожного оптимизма: в условиях десятого энергоуровня гиперсферы происходит мгновенный отказ техники и кибернетических систем, если они не защищены уникальными композитными материалами, для разработки которых потребовалось аккумулировать опыт полутора тысяч лет экспансии к звездам.

– На самом деле наши приоритеты совпадают, – хрипло произнес Дениэл, возвращая планеты в исходное положение, одной фразой пытаюсь

убить свои сомнения и подвести черту под затянувшейся паузой. – Что, если я смогу остановить Смещения? Или, по меньшей мере, найду устройство, контролирующее параметры подвижки планет?

– Райбек, не надо юлить! – Кречетова совершенно не устраивали размытые формулировки, особенно когда речь зашла о Смещении. – Знаю, ты никогда не сядешь играть без туза в рукаве. Так что выкладывай все начистоту, или я попросту выдворю тебя из системы Ожерелье! – пригрозил он.

Дениэл тяжело вздохнул. В глубине души он понимал обеспокоенность адмирала, да и себя знал, что уж греха таить.

– Ладно, – он встал, открыл сейф, извлек на свет какую-то поцарапанную слегка изогнутую пластину. – Вот, Андрей Сергеевич, взгляни.

Кречетов внимательно осмотрел ничем не примечательную на первый взгляд находку.

Кусок панциря, какого-то существа. Скорее всего фрагмент хитинового экзоскелета. На фоне выцветшего органического материала он заметил тонкие линии, образующие полустертый рисунок.

«А вот это уже интересно!» — Кречетов задействовал импланты, сканировал изображение, произвел моментальный сравнительный поиск по базам данных, и невольно побледнел, получив результат, но, в отличие от Райбека, удержал эмоции под контролем.

На рисунке изображены цепочки логров! — с удивлением понял адмирал. Время стерло подробности изображения, но глубинное сканирование позволило восстановить

утраченную детализацию, доказывая — сочетания точек и линий витиеватого узора отнюдь не случайны! Если воспользоваться расшифровкой известных к сегодняшнему дню символов логрианского языка, то на блеклой пластине в замысловатых изгибах и сплетениях логр-компонентов можно было прочесть подсказку, поясняющую их функциональное предназначение.

...смещение...

...выбор...

...функция...

...энергетический уровень...

...остановка...

Остальные части сложнейших узоров однозначной трактовке не поддавались.

— Анализ образца определил вещество, схожее с хитином, — волнуясь, Дениэл предвосхитил вопрос. — Возраст находки: сто

семьдесят лет по локальному времени Ожерелья.

– Панцирь принадлежит инсекту? – Адмирал с трудом заставил себя отвести взгляд от рисунка.

– В том-то и дело, что нет! – воскликнул археолог. – В естественном виде хитины разных организмов лишь незначительно отличаются один от другого по составу и свойствам. – Он вдруг сорвался на пространное пояснение: – Но этот фрагмент экзоскелета обладает измененной формулой. У него обнаружена повышенная стойкость к кислотам, он прочнее и одновременно – пластичнее.

– Инсекты – признанные мастера генной инженерии, – напомнил адмирал, но, заметив, как насупился археолог, добавил: – Ладно, допустим, панцирь принадлежит неизвестному нам насекомоподобному существу. Где

ты его нашел?

— В хранилище станции. Пару месяцев назад, когда исследовал и классифицировал предметы, доставленные полевыми группами.

— И ничего никому не сказал?! — Кречетов постучал пальцем по блеклому изображению. — Ты ведь должен был понять, что именно тут процарапано! Хотел сделать ошеломляющее открытие, присвоив себе все лавры?

— Была такая мысль, — виновато кивнул Дениэл. — Хотя, — он вскинул взгляд, — подобрать кусок панциря — дело нехитрое. А вот исследовать находку, верно истолковать ее значение — это и есть открытие!

— Так что же тебе помешало обнародовать результат? — спросил адмирал, подумав, что странности, замеченные в поведении Райбека,

теперь уже не спишешь на присущую ему эксцентричность. Взять хотя бы круглосуточную работу выделенного канала гиперсферной частоты. Какого рода сенсацию он готовит, если для исследования потребовалось прокачивать огромные объемы данных?

– Почему даже мне ничего не сообщил? – настойчиво переспросил Кречетов.

– Решил сначала детально изучить находку, – признался Райбек. – В процессе выяснились некоторые сопутствующие обстоятельства, надо признать, спорные, но подтолкнувшие к дальнейшим исследованиям... – он вновь заговорил туманно.

– Начнем с рисунка, – перебил его Кречетов, возвращая разговор в прежнее русло. – Если я правильно понял, – он взял со стола фрагмент панциря, – здесь довольно точно

изображены последовательности логр-компонентов, образующие некую систему управления. Знак, обозначающий «смещение», читается четко, но разве мы можем трактовать его однозначно? Здесь тысячи логров, сотни их комбинаций, значение которых неизвестно. Один или несколько символов, вырванные из контекста, ровным счетом ничего не доказывают!

– Не спорю, но сам факт находки дает возможность надавить на логриан! Они утверждают, что система гравитационных генераторов полностью автоматизирована и внедрена в структуру вертикалей! Но при этом они «забыли» уточнить одну маленькую деталь – модуль управления, я в этом практически уверен, находится тут, в Первом Мире!

– Остынь! – осадил его адмирал, не

желая идти на поводу у Райбека и делать поспешные выводы. Сначала надо во всем тщательно разобраться. – Лучше объясни, что это за дуга? – он указал на едва заметный фрагмент изображения. – И рядом, нечто похожее на плетку?

– Я тоже обратил внимание на нижнюю часть рисунка! – мгновенно воодушевился археолог. – Линии нечеткие, менее глубокие, словно процарапаны позже, нетвердой рукой и другим инструментом! Андрей Сергеевич, ты знаком с трудами профессора Холмогорова?

– Нет. Но знаю, что он занимался исследованием логров на станции «Мантикора» и погиб, кажется, при атаке рейдеров?

– Не совсем так. За атакой стояли логриане. Они пытались остановить его исследования. Но речь сейчас, конечно,

не об этом! — опомнился Дениэл, перехватив взгляд адмирала. — Пользуясь наработками Холмогорова, мне удалось идентифицировать дугообразный компонент и определить его функцию!

— Ну и что же это такое?

— Модуль задержки исполнения командных последовательностей! — волнуясь, произнес Дениэл.

— А «плетка»? — заинтересованно спросил адмирал.

— Пока неясно. Такого сочетания логров не встречал никто... — Голос Райбека неожиданно сорвался.

«Почему же он так нервничает? — спросил себя Кречетов, не находя объяснения взвинченному состоянию археолога. — С практической точки зрения его открытие пока что бесполезно. Что нам даст фрагмент панциря с процарапанными на нем

узорами? Логриан такими «доказательствами» не проймешь. Чтобы заставить древние личности прямо отвечать на заданные вопросы, куска выцветшего хитина недостаточно».

Он вновь взглянул на дугообразный элемент, пересчитал «узелки» — их оказалось пятнадцать. Неясна система отсчета времени. Часы? Минуты? Годы?

Внимательно рассматривая находку, Кречетов заметил еще одну особенность. Некоторые линии обрывались на ровном срезе! Здесь явно не хватало части изображения! Так что же получается? Таинственное существо вырезало узор на собственном теле? — он живо представил уложенные внахлест подвижные брюшные пластины природного хитинового панциря. Да,

только так можно объяснить обрыв линий! Продолжение рисунка на следующем сегменте, который попросту не нашли, а может, и не искали.

Кречетов глубоко задумался. Его скепсис дал трещину. Адмирал, как никто другой, понимал: у обитателей Первого Мира есть лишь одна возможность правильно отобразить сложнейшие последовательности логр-компонентов, не допустив при этом явных ошибок и искажений: они должны рисовать с натуры! «Но тогда мне следует согласиться с Дениэлом, признать, что таинственное насекомоподобное существо действительно обнаружило систему управления Смещением?!»

Мысль на удивление быстро овладела сознанием, потребовалось усилие, чтобы отогнать ее. «Нет, без

весомых доказательств к логрианам не подступишься, — одернул себя Кречетов. — Но что же задумал Райбек? Планировал высадиться в Первый Мир и попытаться найти загадочную систему? Поискать в том районе, где обнаружен фрагмент панциря? Да, вполне в его духе. И что бы он сделал в случае успеха? — Кречетов искоса взглянул на археолога, вновь заметил лихорадочный блеск в его усталых, глубоко запавших глазах. Так выглядит человек, доведенный до грани нервного срыва. Неужели его неприязнь к логрианам переросла в откровенную ненависть? — Чем же ты одержим, Райбек? Жаждой невероятных, приносящих славу открытий или лютой ксенофобией? На что ты способен пойти, лишь бы насолить логрианам, уличить их в очередной лжи?»

Оставив при себе тяжелые сомнения,

Кречетов вновь обратился к рисунку.

– Ну, хорошо, допустим, в прошлом произошло некое событие, запрограммированное...

– Нет. Вовсе нет! – с неожиданной, едва ли не фанатичной убежденностью прервал его Дениэл. – Событию только предстоит произойти! – воскликнул он.

– А ну-ка, поподробнее! Я не совсем понимаю, откуда у тебя взялась такая уверенность?

Дениэл максимально увеличил изображение, подключил модули обработки, и вскоре стало понятно: каждый «узелок» дугообразного элемента состоит из множества точек, образующих одну и ту же повторяющуюся конфигурацию, – они складывались в символ логрианского языка, обозначающий «Смещение!». Кто бы ни являлся автором рисунка, он отобразил все детали со скрупулезной,

прямо-таки фотографической
точностью!

– Хочешь сказать, система задержки оперирует количеством Смещений?!

– Да, да! Именно так! – срывающимся голосом воскликнул Райбек. Он откашлялся и добавил в ответ на недоуменный взгляд Кречетова: – Обрати внимание на возраст панцирной пластины! Ну, разве непонятно?! Этому фрагменту сто семьдесят лет! Рисунок был сделан четырнадцать Смещений тому назад! А на модуле задержки всего пятнадцать элементов! Мы на пороге какого-то события, понимаешь?! Надо действовать! Найти систему и выставить ее в положение «Отключено!» – палец Райбека выразительно черкнул по рисунку, отметив нужную командную последовательность. – Пока не стало

слишком поздно... – уже тише добавил он.

– Да ты и впрямь рехнулся?! – не выдержав, вспыхнул адмирал. – Подвергнуть систему Ожерелье ничем не оправданному риску?!

– А в чем риск? – Дениэл порывисто привстал. – Контроль Смещения – это власть над древнейшими технологиями! – эмоционально воскликнул он. – Избавление от гравитационных ударов! Возможность заблокировать транспортную сеть и самим решать, какие из маршрутов активировать! Я, к счастью, не был свидетелем подвижки планет Ожерелья, но знаю: потери, разрушения неисчислимы, а открытия опасны и сомнительны, – они не стоят принесенных жертв!

В эти минуты Дениэл невольно подтвердил худшие опасения

Кречетова. Взгляд его глубоко запавших глаз пылал. Он слишком эмоционально жестикулировал, даже попытался вскочить и расхаживать по тесному отсеку, но споткнулся, ушиб ногу об контейнер с недавними находками.

– Фрайг! Проклятье! – он схватился за спинку кресла. – Ну в чем риск, объясни?! – запальчиво переспросил археолог, потирая голень.

– Смещение происходит под воздействием той же силы, которая удерживает планеты Ожерелья на единой орбите! – резко ответил Кречетов. – Ответь, что произойдет, если мы грубо, неумело вмешаемся в работу гравитационных генераторов?! – он не на шутку разозлился. – Молчишь?! Потому что полез не в свое дело! Значит, так, – адмирал был непреклонен в принятом решении,

понимая, сколько бед мог бы натворить Дениэл, оказавшись на поверхности Первого Мира. – Со станции без моего прямого разрешения ни шагу! Поиском гипотетической системы займутся боевые мнемоники. А ты возьми пару выходных, с людьми пообщайся, – уже спокойнее добавил он. – А то заперся тут, словно отшельник. Придешь в себя, тогда и поговорим!

Кречетов хотел встать и уйти, но Дениэл остановил его.

– Еще минуту! – взмолился он.

Наступила неловкая пауза, которую неожиданно разрядил голос игрушечного ослика:

– Брейк, господа! Ваш кофе! – Позитив пробирался между различными артефактами, буксируя за собой небольшой поднос, оснащенный антигравитационным движителем.

Дениэл вернулся в кресло, сел,

обхватил голову руками. Казалось, его пожирает страх, которым Райбек не смел поделиться, предпочитая действовать сомнительными методами.

Кречетов взял чашку с кофе, сделал глоток, доброжелательно кивнув игрушечному ослику, чья мордашка прямо-таки лучилась оптимизмом.

– Давно он так? – шепотом спросил адмирал.

– Да пару недель уже, – тихо ответил синтезированный голос встроенного в игрушку искусственного интеллекта, и вдруг, поменяв интонацию, зловеще добавил нараспев: – *И в день, когда полуденное солнце вдруг погаснет за горизонтом, разверзнется озеро тьмы, открывая путь к центру всего сущего, но придут оттуда лишь лживые тени истинных творцов...*

– Прекрати! – заорал Райбек, вскинув голову.

– Так, – адмирал поймал его взгляд, – ну-ка объясни, что это значит?

– Перевод одного из преданий, – упавшим голосом ответил Дениэл. – Амгахи верят: вскоре наступит конец времен.

– Звучит зловеще. Но это лишь эпос. А с тобой-то что происходит?! Ну? Только честно?

– Я еще не все рассказал, – выдавил Дениэл.

– Опять о рисунке? Считаешь, ему можно безоговорочно верить?

Пальцы Райбека заметно дрожали. Он дотянулся до голограммы, увеличил один из участков панциря, рядом открыл оперативное окно, вывел в него изображение двадцати логров, образующих непонятный знак.

– Это взято мной из файлов Холмогорова. Он идентифицировал символ как условное обозначение

«пути к центру сущего».

Адмирал перевел взгляд на злополучный фрагмент панциря.

Одна из изображенных на нем командных последовательностей оканчивалась точно такой же конфигурацией из двадцати кристаллов.

«Путь к центру сущего?!» – простые, казалось бы, слова внезапно отдались дрожью. Кречетов хорошо умел держать неожиданные информационные удары, но сейчас на миг растерялся, отчетливо понимая потаенный, глубинный смысл произнесенной Дениэлом фразы.

«Да, но откуда он знает подтекст? – метнулась мысль. – Или теперь важнейшие государственные тайны Содружества доступны всем без разбора?!»

– Профессор Холмогоров лишь

перевел символ логрианского языка, но он не подозревал, что значение командной последовательности надо воспринимать буквально, – глухо произнес Райбек. – В свое время мне довелось принять участие в судьбе Анвара Тагиева. Поэтому рисунку я верю. Безоговорочно. И эпос амгахов меня откровенно пугает!..

Точно! – Кречетов успел обратиться к имплантированной памяти, получить подтверждение: Райбек Дениэл действительно входит в узкий круг посвященных.

Взгляд невольно вернулся к дугообразному элементу.

«Изображение сделано четырнадцать Смещений тому назад. Значит, система отсчета сейчас в крайнем положении. Но что стало причиной задержки исполнения командных последовательностей?» – спросил себя

Кречетов.

«Накопление необходимого количества энергии?» – наиболее логичный из ответов ознобом скользнул по шее адмирала к затылку.

Он встал, похлопал Райбека по плечу.

– Мой тебе совет: прими успокоительное. Выспись. А я пока кое-что проверю.

– Отправишься в Логрис?

– Может быть.

– Спроси у логриан, что еще они скрывают?

– Непременно, – пообещал Кречетов.

* * *

Оставшись один, Райбек Дениел долго сидел в тяжелой задумчивости.

В глубине души он был рад внезапному визиту адмирала и

состоявшемуся разговору. Существуют открытия, бремя которых невыносимо для одного человека. Теперь Кречетов знает все, но станет ли он действовать решительно? Или начнет долгое самостоятельное расследование?

Неважно. Он предупрежден.

Райбек сделал глоток кофе и углубился в работу.

Вновь начался изнурительный поиск. Даже при поддержке автоматических систем анализа на долю Дениэла приходилась нечеловеческая нагрузка. Благодаря расширителю сознания он одновременно работал с двумя информационными потоками: изучал модели объектов, сравнивая их с реконструкцией загадочной аэрокосмической машины, и анализировал отчеты боевых мнемоников, которые периодически контактировали с ментальными полями

Диких Семей цивилизации инсектов.

Он искал подходящие аналогии, но не находил их.

Вне анклавов существ, обитающих в Первом Мире, нигде более не встречались легенды или предсказания, схожие по смыслу с эпосом амгахов. Среди миллионов изученных и классифицированных артефактов, найденных в пространстве Рукава Пустоты, на просторах обветшавшей Сферы или в границах шарового скопления О'Хара, не нашлось даже крошечного фрагмента, аналогичного панцирю таинственного существа.

«Итак, – Райбек откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, но не отключился от сети, – в далеком прошлом проблема не вышла за пределы системы Ожерелье».

Он загрузил карту полушарий Первого Мира.

«Ответ здесь. Он скрыт в известных фактах истории, которые мы неверно истолковываем», — мысль археолога вновь и вновь возвращалась к единственному обнаруженному в ходе масштабного исследования совпадению: фрагмент панциря и конструктивный материал обшивки аэрокосмического истребителя неизвестной цивилизации были идентичны.

Обломки найдены в Первом Мире. На других планетах системы Ожерелье ничего подобного обнаружить не удалось.

«Простейшее объяснение, — мысленно рассуждал Дениэл, — существо проникло в пространство десятого энергоуровня гиперсферы в период Смещения, через один из тоннелей созданной логрианами сети. Возможно, это был дерзкий

исследователь, либо религиозный фанатик. История Первого Мира хранит упоминания о множестве подобных инцидентов», — Райбек стремился рассмотреть все варианты, прежде чем утвердиться в окончательном мнении.

Логриане, посещая иные звездные системы, оставили не только неизгладимый след в первобытных культурах, но и осязаемые доказательства своих визитов, — они отмечали места прохождения вертикалей при помощи мегалитов. Знаки, оставленные экспедициями, становились местами поклонения. По мере развития первобытных обществ зарождалась наука и интерес к «местам силы» возрастал, ведь многие из мегалитических сооружений продолжали демонстрировать активность: примерно один раз в сто

двадцать лет (если пользоваться привычным для человека времяисчислением) среди грубо обработанных каменных столбов возникало сияние, открывая путь в иное измерение.

Неудивительно, что находились смельчаки от науки и фанатики от религии, кто решался шагнуть в неизведанное. В итоге большинство из них становились пленниками Первого Мира, – так формировалось пестрое население этой уникальной планеты.

Дениэл допил холодный кофе.

«Нестыковка, – подумал он. – Возраст фрагментов обшивки – двести восемьдесят пять лет по локальному времени Ожерелья. Панцирю с рисунком – сто семьдесят лет».

И, тем не менее, проведенное им глобальное исследование позволило найти зацепку.

Известно, что логриане посещали Землю, заимствовали с прародины человечества многие экосистемы. Их визиты прекратились неожиданно, на рубеже тринадцатого века, и более не возобновлялись. Простой подсчет обнаружил совпадение дат. В последний раз логриане побывали на Земле двести восемьдесят девять лет тому назад, по локальному времени Ожерелья.

Райбек напряженно размышлял.

В его распоряжении были лишь скудные отчеты полевых групп. Боевые мнемоники Конфедерации преследовали далекие от науки цели. Изучение Первого Мира продвигалось крайне медленно. Здесь даже раскопок не проводилось, и виной тому — настороженное, а зачастую и откровенно враждебное отношение к людям. Тяжелое наследие, доставшееся

от адмирала Земного Альянса Тиберия Надырова. Его эскадра неуправляемо сорвалась на вертикаль гиперсферы в период Первой Галактической войны. «В то время наши предки даже не подозревали о существовании других космических рас, – думал Дениэл. – Результат оказался плачевным. Крейсер «Тень Земли» потерпел крушение – он разбился на поверхности Первого Мира, а выжившие оказались в окружении пестрого конгломерата инопланетных существ».

Верх взяла ксенофобия. Люди, вырванные из огненного ада Галактической войны, не сумели, да и не пытались преодолеть семантический шок. Тиберий Надыров создал военную организацию, взял под свой контроль уже существовавшие к тому времени человеческие поселения. Обломки крейсера стали его опорным пунктом,

неким «Храмом Земли», откуда он начал завоевание Первого Мира. Храмовники – так окрестили беспощадных бойцов Тиберия, уничтожали на своем пути всех «инопланетных тварей». Некоторые их группы действуют и по сей день...

Мысли Райбека уклонились в сторону, и он одернул себя.

Итак, датировки.

Ведя разведку местности, боевые мнемоники обнаружили немало древних городов, расположенных неподалеку от базы Конфедерации Солнц. Мобильные группы не вели глубоких целенаправленных исследований, но собирали всю доступную информацию, в том числе записывали непрерывные файлы сканирования.

Обрабатывая отчеты полевых групп, Райбек нашел показатели, на основе

которых определил возраст отдельных построек и даже смог датировать время их разрушения!

Картина вырисовывалась следующая: большинство зданий и сооружений, простоявших тысячелетия, были превращены в руины двести восемьдесят пять лет назад!

В этот же короткий период, по преданиям амгахов, загадочно исчезли логриане, населявшие Первый Мир. О судьбе насекомых известно мало, лишь несколько источников утверждают, что разумные насекомые вымерли из-за внезапного резкого похолодания, вызванного необычайно мощным и длительным Смещением.

«Куда исчезли логриане? Что такое «озеро тьмы»? Почему оно «откроется *вновь*»? — Райбек мысленно подчеркнул последнее слово.

Он понимал — ответы там, на

поверхности Первого Мира. Его взгляд невольно вернулся к реконструкции необычной, покрытой органической броней аэрокосмической машины.

Двести восемьдесят пять лет назад этот истребитель преодолел две тысячи километров от равнины порталов до горной цитадели, что само по себе удивительно, ведь любая техника, не защищенная особыми экранирующими составами, в условиях системы Ожерелье отказывает мгновенно!

Нет, загадочный пилот не был дерзким исследователем-одиночкой или религиозным фанатиком.

Райбек попытался представить, как это могло происходить на самом деле. Воображение нарисовало ему мрачные, вызывающие дрожь картины. На миг он погрузился в сумерки Смещения, несущие лютый холод, — краешек светила едва выглядывал из-за

горизонта, скупое освещая сотни обтекаемых бионических машин, лавиной движущихся со стороны равнины порталов в направлении неприступной горной цитадели логриан.

«Это было полномасштабное вторжение?!» — мысль пронзила, а неожиданная галлюцинация испугала до ледяной испарины.

Первый порыв — вызвать по связи Кречетова, сообщить о только что сделанных выводах и предположениях — тут же угас.

Таинственный художник, запечатлевший систему управления Смещением, — это потомок существ, вторгшихся в Первый Мир?! Он искал путь назад, к родным звездам?

Райбек сник. Он предвидел реакцию адмирала на подобное утверждение.

«Ты сделал весьма спорные выводы

на основании фрагмента панциря и неполного куска обшивки космического аппарата, который вполне может принадлежать инсектам?» – примерно так ответил бы Кречетов.

«Да, но великие открытия всегда начинаются с незначительных находок и смелых гипотез! – мысленно воскликнул Райбек, не замечая, что спорит с воображаемым оппонентом. – Мы полагали, что логриане и инсекты, населявшие Первый Мир, постепенно деградировали и вымерли. В нашем представлении их закат длился сотни тысяч лет, но это не так! До роковой даты они продолжали созидать биосферу, вели строительство городов и вдруг исчезли, словно по мановению злой силы! Я уверен, при тщательном изучении разрушенных городов, мы найдем множество фрагментов

органической брони, и все они будут датированы тем роковым годом!»

Райбек нервно встал, огляделся, словно опасался увидеть призрак адмирала.

«Ты прав, Андрей Сергеевич, я никогда не сажусь играть без туза в рукаве», – подумал он. Открыв сейф, Дениэл извлек оттуда еще один сегмент панциря с процарапанной на нем картой.

Сделав снимок изображения, он мысленно надиктовал Кречетову короткое сообщение, прикрепил к нему копию второго сегмента панциря и выставил задержку передачи отправления. Письмо попадет к адмиралу не ранее чем через трое суток.

«Я должен попасть на планету и отыскать древнюю систему!» – лихорадочно думал Райбек.

Сейчас им владела не жажда открытий. Он не думал о карьере. Не собирався в чем-то уличать логриан.

Взгляд невольно вернулся к символу, составленному из двадцати кристаллов.

«Путь к центру сущего!»

Подсознательно он испытывал страх. Однажды ему довелось заглянуть за завесу величайшей тайны древнего космоса, и он не выдержал, отпрянул, постарался забыть.

И вот, спустя много лет, неожиданная находка вернула давние чувства. Райбек хорошо знал психологию мнемоников и понимал — адмирал будет действовать осторожно. Слишком осторожно и взвешенно, — он не успеет предотвратить грядущее событие.